

ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНИЙ.

Фабрикація романовъ.—Самобытное декадентство.—Еврей-переселенцы въ Аргентинѣ.—Перипетіи драмы Платона.—Народная интеллигенція.—Мысли педагога-администратора о недостаткахъ нашей школы.

Было время въ русской литературѣ, когда каждое новое стихотвореніе вызывало горячіе толки, повѣсть казалась чрезвычайнымъ событіемъ, а романы появлялись лишь въ высокосные годы. Это было время, когда литературный трудъ не только считался, но и былъ священнодѣйствіемъ, когда писатель былъ жрецомъ, а его произведенія являлись жертвами на алтарѣ общественный. Время иллюзій миновало. Въ высокое призваніе литературы вѣрятъ только самые неисправимые, а для большинства читателей и самихъ литераторовъ литература не болѣе какъ специальность, въ лучшемъ случаѣ—искусство, въ худшемъ—ремесло. Скудость общественныхъ интересовъ, бѣдность творческаго вымысла не охлаждаетъ, однако, порывовъ современнаго беллетриста. Романы производятся сотнями; это своего рода фабричное производство, которое, какъ и всякое другое, имѣетъ своихъ наиболѣе популярныхъ и наиболѣе плодovitыхъ производителей. Такую роль въ нынѣшней литературѣ играетъ И. Н. Потапенко. Не такъ давно это имя обливалось фельетоннымъ ядомъ талантливаго газетнаго критика, но теперь г. Потапенко вошелъ со своимъ врагомъ въ формальный и, повидимому, прочный союзъ, и тотъ сложилъ передъ нимъ свое оружіе. Между тѣмъ, многописаніе г-на Потапенко сдѣлалось какъ-бы еще обильнѣе, еще спѣшнѣе и все болѣе, какъ всякое перепроизводство, грозитъ ему духовной ликвидаціей. Съ начала нынѣшняго года онъ даритъ публику тремя романами, изъ которыхъ ни одинъ еще не пришолъ къ благополучному концу. Въ «Русскомъ Богатствѣ» печатается его романъ «Свѣтлый лучъ», которому онъ придалъ скромное названіе повѣсти, хотя повѣсть эта занимаетъ уже четыре книжки журнала и грозитъ продолженіемъ. Въ «Мірѣ Божьемъ» идетъ другой романъ «Два счастья», въ трехъ частяхъ, причѣмъ, въ вышедшихъ че-

тырехъ книжкахъ журнала помѣстилась только первая часть. Наконецъ, третій романъ Потапенко «Черезъ любовь» печатается въ «Нивѣ», этомъ иллюстрированномъ приложеніи къ собранію сочиненій И. С. Тургенева. Самое мѣсто упокоенія послѣдняго романа не общаетъ большого вниманія къ нему въ сферахъ критики. Два первыхъ романа печатаются въ журналахъ, претендующихъ на идейное и даже политическое руководство, и поэтому, несмотря на лубочную работу своихъ романовъ, авторъ старался внести въ нихъ идейный интересъ, сдѣлавъ героями перваго мужчину и женщину врачей, а второго—художниковъ и литераторовъ. Тутъ собственно и кончается ихъ идейность. «Два счастья»—это безконечное пересказываніе старыхъ, какъ грѣхъ, вѣчныхъ темъ съ подробнымъ описаніемъ, что герои думали про себя, что они думали вслухъ, и что авторъ про нихъ думаетъ. «О, какая это сказка, что любовь приноситъ одну только радость; радость сіяетъ въ ней мимолетно, какъ молнія, а остальное такъ мрачно, тяжело и, главное, такъ жестоко по отношенію къ другимъ, почти всегда невиннымъ и слабымъ». Вотъ какую цѣнную мораль развиваетъ авторъ на сотняхъ печатныхъ страницъ! Такія идеи кажутся слишкомъ прописными и въ журналахъ «для самообразования». Романъ, печатающійся въ «Русскомъ Богатствѣ», имѣетъ, такъ сказать, клинический интересъ. Герой его, докторъ Барвинскій, несмотря на то, что сумасшедшій, герой въ полномъ и первичномъ значеніи этого слова. Медицинскій терминъ его болѣзни *ragoia hallucinata*. Въ тѣ моменты, когда Барвинскій здоровъ, онъ пьянствуетъ и ѣздитъ къ цыганкамъ, когда же заболѣваетъ, то занимается своеобразной филантропией, въ чемъ пособницей ему является его богатая жена. Первымъ встрѣчнымъ нищимъ онъ раздаетъ свои деньги, снимаетъ даже на морозѣ свою шубу, чтобы одѣть ею случайно попавшуюся ему бѣдную женщину, разыскиваетъ бѣдняковъ по разнымъ трущобамъ и свозитъ ихъ въ свою богатую квартиру. Въ эти моменты жена молится на него, а когда его увозятъ, наконецъ, въ психіатрическую лечебницу, она покупаетъ для собранной голи домъ, кладетъ на имя этихъ бѣдняковъ капиталъ и обезпечиваетъ имъ, такимъ образомъ, мирное и счастливое житіе. Фантазія автора устроила уже три такихъ дома въ разныхъ городахъ Россіи—

ской имперіи. Помимо того, что исторія, рассказываемая г-мъ Потапенко, и фактически невѣроятна,—какое дѣло литературѣ до подобныхъ психіатрическихъ анекдотовъ, если-бы они и были возможны въ дѣйствительности? Г-нъ Потапенко понимаетъ это и потому старается придать болѣзни своего пациента высоконравственное значеніе, роль «свѣтлаго луча» въ окружающей его атмосферѣ. «Зачѣмъ лѣчить такую болѣзнь?» спрашиваетъ онъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа. «Зачѣмъ, если она возвращаетъ человѣку способность быть самимъ собой? Почему ты знаешь, кто изъ идущихъ по улицѣ здоровъ, кто боленъ: можетъ-быть, тѣ, кто еще сохранилъ способность откликаться на чужое страданіе — не больны. Да это такъ и есть». Такъ г. Потапенко постарался разжидить и разжевать оригинальную мысль, къ которой гениально подошелъ А. П. Чеховъ. Насколько антихудожественно отнесся авторъ къ своей задачѣ, можно судить по длинному рассказу г-жи Барвинской о томъ, какъ она сошлась со своимъ мужемъ. Это было въ началѣ одного изъ періодовъ его болѣзни. Онъ вышелъ въ пріемную, гдѣ ожидали его больные, и объявилъ, что не будетъ лѣчить богатыхъ пациентовъ. «Богатые пациенты ушли съ негодованіемъ, и онъ занялся бѣдняками. Это было нѣчто странное, невиданное и несомнѣнно безумное. Онъ даже не звалъ ихъ въ кабинетъ, а разспрашивалъ тутъ-же, и страннымъ мнѣ особенно показалось то, что онъ гораздо меньше разспрашивалъ о болѣзни, чѣмъ о положеніи. «Гдѣ вы служите? Сколько зарабатываете? Вы работаете 8 часовъ въ сутки и получаете пятнадцать рублей? Ну, вотъ отъ этого у васъ и приключилась болѣзнь. Вы хотите, чтобы я написалъ вамъ рецептъ? Ну, нѣтъ, это ни къ чему. Позвольте мнѣ вмѣсто рецепта предложить вамъ вотъ это: перемѣните квартиру, найдите хорошую кухарку, пусть она покупаетъ вамъ хорошее мясо. У васъ нѣтъ денегъ? Такъ я вамъ дамъ, сколько могу...» Потомъ онъ обращался къ другому, къ третьему, всѣхъ онъ разспрашивалъ, а затѣмъ нѣкоторымъ сказалъ: «вѣдь у васъ нѣтъ семьи, такъ вы можете остаться у меня»; а другимъ, которые не могли этого сдѣлать, онъ сказалъ: у меня, господа, всѣхъ денегъ около двухъ тысячъ. Я думаю, что будетъ справедливо, если вы подѣлите ихъ сами. А, впрочемъ, позвольте, позвольте...» И

наго и зажирѣвшаго буржуа, а В. Г. Бѣлинскій, наоборотъ, въ видѣ скелета, въ длинномъ плащѣ. Внизу карикатуры слѣдующій краткій діалогъ: «Тѣнь труженника-критика:—Ты строишь домъ?» «Журналистъ:—Да. Благодаря тебѣ и литераторамъ,—на каменномъ фундаментѣ». «Тѣнь:—Такъ помни это!»

Центральный интересъ на выставкѣ представляла извѣстная картина Наумова «Бѣлинскій передъ смертью». Были въ Москвѣ и еще торжества въ память Бѣлинскаго. Въ строгоновскомъ училищѣ техническаго рисованія было устроено для учениковъ старшихъ классовъ литературное утро. Учебный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній устроилъ 25-го апрѣля публичное засѣданіе, на которомъ также читался рядъ рефератовъ о Бѣлинскомъ. Въ Петербургѣ пока только предполагены подобныя-же торжества союзомъ писателей, академіей наукъ и университетомъ. Главное чествованіе предложено въ Пензѣ, которое, естественно, не выдѣлится изъ ряда всѣхъ этихъ торжественныхъ засѣданій, только плодящихъ литературу о Бѣлинскомъ, притомъ литературу далеко не первостепеннаго качества. Въ устроителяхъ торжествъ чувствуется недостатокъ замысла, и, пока, только выставку въ Москвѣ можно признать вполне удачнымъ номеромъ юбилейной программы.

Въ «Revue Encyclopedique» появилась интересная статья: «Русская литература послѣ Тургенева». Авторъ ея, Michel Delines, приурочиваетъ новыхъ русскихъ писателей всецѣло къ автору «Рудина» и «Отцовъ и дѣтей». Г. Короленко онъ даже прямо причисляетъ къ тому поколѣнію, которое Тургеневъ обрисовалъ въ «Нови».

Остановливаясь на первомъ произведеніи Короленко «Сонъ Макара», онъ сближаетъ этотъ рассказъ съ «Ганнеле» Гауптмана, и отмѣчаетъ, насколько въ этомъ отношеніи русскій писатель предупредилъ нѣмецкаго. Въ Короленкѣ онъ видитъ талантъ возбуждать въ своихъ читателей тѣ самыя чувства, которыя испытываетъ онъ самъ, и въ то-же время заставляетъ ихъ задумываться надъ самыми важными социальными вопросами. «Помимо ихъ художественной цѣнности, произведенія г-на Короленка, говоритъ онъ, всегда вызвышенны». На второмъ мѣстѣ Delines ставитъ Чехова. Онъ отмѣчаетъ, что его дѣдъ и отецъ были еще крѣпостными, но, говоритъ онъ, «какъ это часто бываетъ въ Россіи, молодой Чеховъ, не-

смотря на низкое положеніе своихъ предковъ, получилъ блестящее образованіе. Какъ у Короленки, такъ и у Чехова французскій критикъ указываетъ наклонность писать сжато, что, по его словамъ, опять таки удаляетъ ихъ отъ Толстого и Достоевскаго и сближаетъ съ Тургеневымъ. Чеховъ, говоритъ г. Делинъ, сосредоточивается на эпизодахъ; его рассказы—воспроизведенія реальной жизни, тщательно отдѣланныя, написанныя прекраснымъ языкомъ и обнаруживающія тонкое художественное чутье. Критикъ особенно подробно останавливается на «Мужикахъ» Чехова. Далѣе слѣдуетъ характеристика хорошо знакомаго читателямъ «Недѣли» В. Л. Дѣдлова-Кигна. «Дѣдловъ», пишетъ онъ, изѣздилъ всю Россію, вынося изъ своихъ путешествій «Очерки», которые большею частью печатались въ «Недѣлѣ». Эти очерки представляютъ, наряду съ тщательной и яркой обрисовкой различныхъ областей обширной Русской имперіи, характерныя детали объ обитателяхъ разныхъ провинцій, начиная съ мужика и кончая высшей администраціей. Письма съ парижской выставки авторъ считаетъ «безспорно самымъ полнымъ документомъ на русскомъ языкѣ объ этомъ предметѣ». Далѣе онъ указываетъ на сборникъ рассказовъ Дѣдлова «Мы» и особенно останавливается на романѣ «Сашенька». «Этотъ романъ», говоритъ онъ, не имѣетъ той цѣльности, примѣръ которой даютъ романы Толстого и Тургенева, но очень самобытенъ и написанъ съ тщаніемъ, и эта изысканная заботливость о психологической правдѣ тѣмъ болѣе достойна почтенія, что она много вредитъ успѣху книги въ большой публикѣ. На мой взглядъ, въ Россіи дѣйствительно мало художественныхъ произведеній, которыя давали-бы возможность такъ глубоко проникнуть въ нѣкоторые слои русскаго общества, какъ этотъ романъ «Сашенька», и съ этой точки зрѣнія желательно, чтобы онъ сдѣлался болѣе извѣстенъ во Франціи». Послѣднимъ изъ современныхъ беллетристовъ г. Делинъ называетъ г. Потапенко. Затѣмъ онъ очень сжато говоритъ о новыхъ поэтахъ (Надсонъ и его современникахъ) и болѣе подробно о драматургахъ. Среди послѣднихъ онъ отмѣчаетъ М. И. Чайковскаго, кн. А. И. Сумбатова и Вл. И. Немировича-Данченко. Статья иллюстрирована портретами упоминаемыхъ въ ней писателей, причемъ наиболѣе удачнымъ вышелъ портретъ В. Л. Дѣдлова.

8/4